

Ли Чжао поднял глаза — его взгляд на миг встретился со взглядом императора на троне, и тут же отвел его.

Отец хочет отправить его? В такой момент — это попытка отстранить его и дать остыть после ссоры? Или ловушка под видом инспекции? А может, наоборот — намеренно прокладывает ему путь, давая шанс заслужить политические заслуги и авторитет?

Мысли пронеслись в голове мгновенно, порождая множество вариантов. Но как бы то ни было — лично посетить юго-восток, осмотреть таможенные посты и изучить морскую торговлю — именно этого он и хотел. Такой поездка позволит разместить там проверенных людей для наблюдения за обстановкой. И ещё... тот уезд Уйнь, упомянутый Небесным Занавесом...

Все эти соображения улеглись в сознании за долю секунды. Он сделал шаг вперёд, поклонился и без малейшего колебания произнёс:

— Сын ваш принимает повеление.

— Отлично. Назначаю вана Жуй полномочным инспектором юго-восточных провинций. Вы получаете императорский жезл и право действовать от моего имени. Министерства финансов, военное и юстиции выделяют вам компетентных чиновников в помощь. После праздников весны выберете благоприятный день и отправитесь в путь. Вам дозволяется осматривать все пункты пограничного контроля, морские дела и гражданское управление — и действовать по своему усмотрению.

— Сын ваш повинуется указу, — повторил Ли Чжао, снова поклонился и вернулся в строй министров.

Слова императора вызвали бурю эмоций среди придворных. Назначение царевича инспектором — не редкость. Обычно такие миссии связаны с расследованиями, но на этот раз речь шла лишь об инспекции, причём касающейся морской торговли — а значит, дело выгодное, и многие хотели бы занять это место.

Однако император объявил о назначении сразу после того, как Небесный Занавес раскрыл кровавые подробности будущей земельной реформы... Этот ход был поистине загадочен. Многие чиновники, привыкшие всё просчитывать, теперь втайне гадали, но так и не могли проникнуть в замысел государя.

Не давая им времени на размышления, император спокойно перевёл заседание к следующим пунктам повестки.

Речь зашла о праздничных мероприятиях, наградах и подарках — обычные, хоть и хлопотные дела. Казалось, только что объявленное назначение было всего лишь мимолётной деталью.

Император, похоже, не спешил обсуждать конкретные шаги по земельной реформе или

строительству «Линминь» — ведь это вопросы сложнейшие, требующие долгих совещаний.

Но когда заседание уже подходило к концу и придворные начали расслабляться, государь вдруг, словно вспомнив что-то, небрежно проговорил:

— Мне пришло в голову: давно я не видел красот южных земель. Путь вана Жуй на юг будет долгим. Если в его свите окажутся талантливые юноши, которые смогут запечатлеть величие гор и рек нашей империи Дашэн, обычаи и нравы народа — это будет истинное наслаждение для духа.

Его взгляд медленно скользнул по нескольким высокопоставленным сановникам:

— Министр Се? Министр Юань? Министр Ван? Министр Чэнь? Помнится, у всех вас есть достойные сыновья — образованные, талантливые, изящные в манерах. Не желаете ли отправить их в путь вместе с ваном Жуй? Пусть послужат делу, наберутся опыта... и привезут мне несколько свитков с видами Поднебесной?

Хотя тон звучал как предложение, в нём чувствовалась непреложная воля. Ли Чжао едва сдержал улыбку: отец решил втянуть в это дело главные роды самолично.

Неважно, какие у них были собственные планы — теперь они хотя бы временно отсекут другие семьи, что метят на влияние. Кроме того, если их наследники поедут вместе с ним, роды будут вынуждены обеспечить безопасность экспедиции: ради своих детей и чтобы избежать клеветы.

Упомянутые главы родов одновременно похолодели: вот оно, началось!

Глава рода Се отреагировал быстрее всех. Едва император договорил, он уже вышел из строя и поклонился, не выказывая ни тени смущения:

— Благодарю за милость Вашего Величества! Мой старший сын действительно немного разбирается в живописи. Возможность сопровождать Его Высочество и запечатлеть величие империи — это счастье, за которое он должен благодарить три жизни! И я, и мой сын с радостью примем это повеление!

— Отлично, — кивнул император.

Остальные министры мысленно выругали Се: старый лис! Прямо с ходу пожертвовал своим первым сыном, да ещё и с таким энтузиазмом — теперь им некуда деваться. Если сейчас отказаться, это будет выглядеть как недоверие к государю или даже как скрытая измена.

Пришлось тоже выйти вперёд и заявить, что их дети с радостью поедут служить стране и разделять заботы государя.

— Прекрасно, — удовлетворённо сказал император. — Тогда решено. Конкретные имена и маршрут вы согласуете позже с ваном Жуй. Заседание окончено.

Старший евнух возгласил: «Заседание завершено!», и чиновники поклонились. Но у многих сердца бились чаще: за этой, казалось бы, непринуждённой распорядительностью скрывался глубокий замысел, и каждый понимал: игра только начинается.

***

В кабинете императора струился тихий аромат драконьего ладана.

Старший евнух Ван подал свежесваренный чай и, пользуясь моментом, пока ставил чашку на стол, тихо доложил:

— Ваше Величество, ван Жуй просит аудиенции.

Император не отрывался от мемориала:

— Пусть войдёт.

— Приветствую отца, — Ли Чжао вошёл и поклонился по всем правилам. Несмотря на то, что вчерашний спор всё ещё отзывался в душе неловкостью, он обязан был выяснить истинные намерения отца.

Государь отложил кисть с красными чернилами, взял чашку. Пар на миг скрыл его лицо.

— Ты пришёл, чтобы ответить на мой вчерашний вопрос? — прямо спросил он.

Ли Чжао чуть не ахнул:

— Отец! Прошла всего одна ночь — разве можно за это время что-то решить? Дайте мне ещё немного времени!

— Хорошо, — неожиданно легко согласился император и даже сделал глоток чая.

Ли Чжао насторожился: это совсем не похоже на отца!

И действительно, государь неторопливо добавил:

— Через пару дней твоя мать устроит несколько небольших приёмов во дворце. Все достойные

юноши и девушки столицы получают приглашения. Ты обязательно должен быть там — хорошенько приглядишься.

Вот оно! Так вот где собака зарыта! Отец так легко согласился, лишь чтобы потом использовать мать в своей «косвенной стратегии»!

— Я дам тебе время, — продолжал император, будто не замечая, как изменилось лицо сына, — до июня следующего года. Как насчёт этого?

Ли Чжао прищурился. Это была прямая угроза: в июне состоится объявление результатов императорского экзамена — и судьба Мин Чжэня будет решена.

— Отец, вы нечестны по правилам боя!

Император поднял глаза и принял величественную позу:

— Я не только твой отец, но и Сын Неба. Мне не нужно играть по правилам. Говори прямо: пойдёшь или нет?

— Пойду, — буркнул Ли Чжао. В конце концов, от одного появления на приёме ничего не отвалится. Если он не захочет — его ведь не заставят силой.

А если получится, он превратит эти приёмы в своего рода «собеседования»: спросит у гостей, кто из них готов оставить роскошь столицы и отправиться с ним на юго-восток, подышать морским воздухом и познакомиться с местными обычаями. Большинство, скорее всего, тут же откажется.

Это даст ему драгоценное время для подготовки. Только... придётся всё же найти возможность поговорить с Мин Чженем, чтобы тот не услышал слухов и не стал переживать. А то вдруг, как в дешёвых романах, получится: «он убегает — он преследует — крыльев нет, а улететь хочется»...

— Ты пришёл только по этому делу? — спросил император, заметив, что сын сдался, и сменил тему.

— Нет, отец. Я также хотел обсудить детали инспекции на юге.

— Какого результата вы ожидаете от этой поездки? — спросил Ли Чжао, сосредоточившись.

Император подошёл к огромному карте империи, висевшей на стене, и долго смотрел на юго-восточное побережье. Его голос стал тише:

— Юго-восток богат и плодороден, но именно там процветает порок. Местные роды, чиновники, сговорившиеся с морскими торговцами, и даже возможные ядовитые семена — всё это требует очистки.

— Ты едешь якобы для инспекции таможни, но на деле — чтобы выявить истинное положение дел. Если они будут вести себя тихо — оставь в покое. Но если проявят активность — не церемонься. Арестовывай, наказывай. Я даю тебе право казнить без предварительного доклада.

Ясно. Значит, всё-таки «ловля рыбы» — подготовка почвы для будущих реформ через демонстрацию силы.

— Сын ваш понял.

Когда стройная фигура Ли Чжао исчезла за дверью, старый евнух Ван не выдержал:

— Ваше Величество... не слишком ли опасно отправлять Его Высочество на юг именно сейчас? А вдруг что-то случится...

Император взглянул на него:

— Ты так о нём беспокоишься?

Евнух поспешно поклонился:

— Просто... если с Его Высочеством что-то случится, Вашему Величеству будет больно. Фу-фу-фу! Простите старого глупца за дурные слова! — Он лёгким движением шлёпнул себя по щеке.

Император не стал его упрекать. Он смотрел в сторону, куда ушёл сын, будто сквозь стены дворца видел дальние горизонты.

— Волчонка, что растёт в уютной берлоге, никогда не станет настоящим вожаком, если не увидит крови и не научится сам добывать добычу.

— Небесный Занавес вывалил перед ним всю его будущую судьбу — и заслуги, и ошибки. Кажется, будто указывает путь, но на самом деле делает его слишком гладким. А это не пойдёт ему на пользу. Без испытаний, без риска он не сможет по-настоящему утвердиться. Как иначе ему заслужить имя Священного Предка?

— К тому же, юноши в его возрасте легко теряют голову от любви. Расстояние, разлука, окружение делами и опасностями, отсутствие нежных слов и близости... Возможно, это как раз поможет ему протрезветь и понять, что сейчас важнее всего.

Последние слова прозвучали с лёгким раздражением.

Евнух Ван молча стоял, опустив голову. Он всё понял: государь вовсе не безразличен. Просто он вынужден быть жёстким — точить и испытывать сына самым суровым способом.

***

На следующий день, двадцать третьего числа двенадцатого месяца, император официально закрыл печать, и чиновники, завершив дела, последовательно закрыли свои ведомства, вступив в редкий период отдыха.

В столице с каждым днём усиливалась атмосфера праздника. Воздух наполнился сладким ароматом рисовых леденцов и шумом подготовки к Новому году. Тяжёлые темы — придворные интриги, угрозы на юге — на время ушли в тень.

И Ли Чжао тоже позволил себе передохнуть. Сейчас он сидел в тихой книжной лавке напротив средних лет писателя, облачённого в поношенную учёную одежду. Тот мрачно хмурился. Это был известный в столице мастер рассказов под псевдонимом Сань Жэнь («Бездомный»).

Ли Чжао специально выбрал его: именно он лучше всего сможет обработать историю о нём и Мин Чжене. Нужно успеть написать её к праздникам — пусть распространяется в эту горячую пору.

Сань Жэнь тербил руки, лицо его сморщилось, как переспелый огурец:

— Господин, не то чтобы я не хочу... Просто второй герой вашей истории — он, он...

Он понизил голос до шёпота, будто боясь, что стены имеют уши:

— Боюсь, стоит мне оступиться в слове — пока рассказ не разойдётся, мою голову уже снимут с плеч! Вы уверены, что он не разгневается?

Ли Чжао удивился. Он, конечно, не был образцом кротости, но с каких пор его репутация стала настолько устрашающей, что писатели боятся за жизнь? Кто это о нём такое распускает?

— Не волнуйтесь, — попытался он выглядеть максимально надёжно, — он на самом деле очень доброжелательный человек...

— Доброжелательный?! — писатель вытаращился на него, как на сумасшедшего. Взгляд его ясно говорил: «Какой же вы ещё юнец, если зрение у вас явно подвело?»

— Господин... Вы что, не слышали, как несколько дней назад та фея из Небесного Занавеса описывала его будущее? Такие методы! И вы называете это «доброжелательностью»? — Он провёл пальцем по горлу, дрожа от страха.

Ли Чжао: «.....»

Он лишился дара речи. Действительно, образ будущего Священного Предка, нарисованный Занавесом, — жестокий, беспощадный, кровавый — никак не вяжется со словом «доброжелательный». А ведь теперь все знают: Священный Предок — это он, ван Жуй.

— Короче, я гарантирую: с вами ничего не случится. У меня наверху есть связи. Очень крепкие.

Писатель всё ещё колебался, взгляд его метался между щедрой оплатой и риском лишиться головы.

Тогда Ли Чжао поднял три пальца:

— Втрое дороже. В три раза выше рыночной цены. И сюжет я дам вам сам — вам лишь нужно его расширить и оживить. Согласны?

Сила денег оказалась непреодолимой. После короткой внутренней борьбы писатель стиснул зубы:

— Договорились! Но под моим именем этот рассказ выходить не будет! Пусть будет указано: «автор неизвестен» или «привезено из заморских земель». Я не имею к этому никакого отношения!

— ...Хорошо, — чуть поморщился Ли Чжао, но согласился. Главное — согласие получено.

Проводив писателя, который на прощание ещё десять раз напомнил о секретности и оглянулся трижды, Ли Чжао недоумевал: он всего лишь хотел немного подготовить почву для будущего — почему это так сложно?

Даже писателя напугать удалось! Неужели его будущая репутация Священного Предка настолько ужасна?

От одной мысли стало досадно. Надо срочно найти Мин Чжэня, рассказать ему об этой «забавной» перемене в репутации — и заодно узнать, чем тот занят.

Он встал, накинул тёплый плащ, не стал даже садиться в карету и, засунув руки в рукава, направился напрямик к дому Минов — дорогу знал как свои пять пальцев.

<http://bllate.org/book/17167/1607682>